

БАССЕЙН И РУСЛО «БУЙНОГО ТЕРЕКА»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА ХАДЖИ-МУРАТА МУГУЕВА

Хугаев И.С.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Владикавказский научный центр Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания (362027, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 22), e-mail: vncran@yandex.ru)

Проведена общая рекогносцировка в проблемах комплексного рассмотрения исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек». Обозначаются важнейшие контексты литературного явления и определяется его исторический и художественный хронотоп. Текст Х.-М. Мугуева берется в общем рассмотрении, как произведение советской литературы, социалистического реализма и художественно-исторического жанра. Предлагается описание специфических параметров советского исторического романа и метода социалистического реализма в части концепции истории и времени и понимание места «Буйного Терека» в истории осетинской русскоязычной национальной литературы и в литературном процессе в Советском Союзе середины XX века. Таким образом, актуализируются в произведении Хаджи-Мурата Мугуева этнокультурные содержательные и формальные аспекты, определяющиеся межкультурным и межъязыковым взаимодействием по линии «Россия – Северный Кавказ».

Ключевые слова: Хаджи-Мурат Мугуев, «Буйный Терек», советская литература, социалистический реализм, историзм, исторический роман, время, народ, герой, идеал, Кавказская война, осетинская литература.

THE BASIN AND THE STREAMBED OF "THE WILD TEREK": METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE HISTORICAL NOVEL BY KHADJI-MURAT MUGUEV

Khugaev I.S.

Federal state budgetary institution of science of the Vladikavkaz scientific center of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania (362027, Vladikavkaz, 22 Marcus Str), e-mail: vncran@yandex.ru)

The work deals with the preliminary survey of the problems of integrated analysis of the historical novel by Khadji-Murat Mugev "The Wild Terek". We specify the major contexts of the literary phenomenon and identify its historical and artistic chronotype. The text by Mugev is reviewed as a piece of Soviet literature, socialist realism and historical fiction genre. We provide the description of specific parameters of Soviet historical novel and social realism method in the part of concept of history, time and comprehension of the novel's place in the history of Ossetian Russian-language literature of the middle of XX century. Thus, actualized in the work Khadji-Murat Mugev ethnocultural content and formal aspects, defines intercultural and language interoperability through the "Russia – the North Caucasus."

Keywords: Khadji-Murat Mugev, "The Wild Terek", Soviet literature, socialist realism, historism, historical novel, time, people, hero, ideal, Caucasian war, Ossetian literature.

В литературном наследии Хаджи-Мурата Магомедовича Мугуева, одного из старейших советских писателей, нашли отражение самые драматические и решающие события и процессы новой отечественной истории. В Советском Союзе, населению которого всегда был присущ хороший литературный вкус, было правомерно судить о значении и мастерстве писателя по его популярности. Мугуев был популярен. Масштаб писателя наглядно выражается в том, что он был в свое время переведен, помимо языков народов СССР, на румынский, венгерский, чешский, польский, болгарский, английский, китайский и вьетнамский языки. Хаджи-Мурат Мугуев никогда, в общем, не сходил со столбовой дороги советского литературного процесса: его тексты проникнуты спокойной, мы бы сказали,

научной верой в конечное торжество интернациональных, гуманистических идеалов; центром его идейно-эстетической системы выступает образ нового человека – патриота и творца личной судьбы и истории, а история предстает как процесс творческого, диалектически перманентного, революционного обновления мира, борьба идей и миров (как «цивилизаций» в актуальном смысле слова) и культур.

Это самые общие дефиниции, из которых тоже ясно, что сегодня, в виду новейших корректив и тенденций в общественно-политическом дискурсе, творчество Хаджи-Мурата Мугуева заслуживает специального рассмотрения. Данным утверждением несколько не умаляется значение ранних исследований, но очевидно, что настало время новых критических оценок для старых литературных фактов.

В первую очередь это относится к историческому роману «Буйный Терек», тем самым уже не только как к литературному, но уже *историческому* факту. Актуальность произведения обуславливается тремя *главными* позициями: во-первых, это главное произведение Мугуева, во-вторых, оно относится к одному из «главных» литературных жанров, в-третьих, оно рассматривает одну из главных тем отечественной и европейской литературы последних двух столетий.

К более общим обоснованиям исследования принадлежит культурологическая, соединенная для нас с определенным нравственным чувством, потребность сознательной и методичной реабилитации советской литературы как объективного явления отечественной и всемирной литературной истории и исторической поэтики.

Сегодня это тоже, в сущности, «умолкнувший мир литературных окаменелостей, мир не читаемых больше произведений, мир забытых писателей» [10: 20]. Это целая литературная Атлантида, тоже ушедшая под воду в результате тектонических сдвигов истории: вот почему и литературоведческий опыт заставляет предполагать, что в перспективе литература социалистического реализма станет одним из востребованных предметов науки. Не говоря уже о достоинствах и завоеваниях этой творческой методологии: строгих принципах исторической и художественной адекватности (это и есть собственно реализм) и самобытности идейно-эстетической системы, характеризующейся, с одной стороны, крайним материализмом и атеизмом мировоззрения (субъекта) и, с другой, самым жестким и бескомпромиссным в истории мировой литературы требованием *идейности*.

Этот *идеалистический материализм* в наибольшей мере обнаруживает себя в крупных эпических жанрах, способных отразить большой хронотоп реальности и различные уровни народной, общественной и индивидуальной жизни: здесь соединяются различные гуманитарные интересы, в нашем случае усугубленные, как мы уже сказали, тематикой произведения. Кавказская война, движение мюридизма, декабризм, личности генерала

Ермолова и имама Гази-Магомеда, борьба России против британского, турецкого и персидского влияния на Северном Кавказе относятся к кругу явлений, всегда пребывавших в поле зрения общественного и литературного сознания, и периодически имеющих тенденцию смещаться к его фокусу. Судьбы вымышленных персонажей (прежде всего Небольсина и Булаковича) наполняют сюжет исторически и психологически актуальной рефлексией. Как «модель мира» «Буйный Терек» отвечает современному переломному моменту истории на тонком гуманистическом уровне, на уровне исторической метафизики, борьбы идей и культур. Исторический роман Хаджи-Мурата Мугуева в XXI более актуален, чем в XX.

Последнее относится, конечно, содержанию, а не к форме: по форме роман Мугуева представляет собой продукт и документ советской литературы середины XX века. Тем самым определяется значительная часть актуального контекста, в котором роман должен рассматриваться – это послевоенный этап литературного процесса, широко представленный как раз жанром исторического романа.

В рамках жанра в то время разрабатываются большие проблемы бытия и отношений личности, государства, народа; если «победа в войне во многом устранила конфликт личности и государства», что вызвало «растворение классового в национальном» и прямые «апологии государственно-национальной идеи» («Иван Грозный» В.И. Костылева и «Иван III – государь всея Руси» В.И. Язвицкого), то в 50-х годах «в центр внимания романа вновь возвращается личность»[4] («Степан Разин» С.П. Злобина, «Анна Ярославна – королева Франции» и «Последний путь Владимира Мономаха» А. П. Ладинского, «Святослав» и «Владимир» С.Д. Складенко, «Россия молодая» Ю.П. Германа, «Зори над Русью» М.А. Рапова, «За землю русскую» А.И. Субботина, «Русь Залесская» Б.Е. Тумасова). Этот контекст («бассейн») – один из источников «Буйного Терека».

Такие монументальные сочинения сегодня потеряли свою «читательность». Классическая романная форма, которую развивает роман соцреализма, не достаточно соответствует темпоритму нашей эпохи. Возможно, это показывает, что темпоритм не правилен: современный вульгарный демократизм в искусстве выражается в отсутствии нравственного авторитета, идеи и идеала. Но поколение Мугуева определенно обладало неким идеальным представлением о человеке, народе и человечестве.

Больше того, ему было присуще сознание того, что идеал в определенной степени достигнут (сравнительная степень обладания идеалом служит мерой отличия социалистического реализма от всех прежних творческих методологий): строго говоря, еще не коммунизм, но уже социализм, общество, свободное от антагонистических классовых противоречий, первое в мире государство «рабочих и крестьян». Этими постулатами и определялся в основных пунктах *историзм* советской литературы и, прежде всего, поэтика

литературно-исторического жанра. Историческое сознание народа (как частного), во многом регулируемое идеологически, всегда субъективно, но, пока нет сознания человечества (как общего), это – высшая инстанция исторической правды. «Солдат сердцем чует правду» [8: 2: 135], – говорит герой Мугуева. Историю пишут победители, но, в конце концов, только потому и существует национальная история.

Всякий строй культивирует сам себя, сколько способен: по официальной версии и в субъективно-историческом сознании нескольких поколений советский строй был результатом победы народа в классовой и национально-освободительной борьбе. Классовая борьба для этого строя священна, как отечественная; соответственно, историческим романом социалистического реализма вся история (история всех народов СССР) сводится к классовым войнам («революция, – писал В.И. Ленин, – праздник угнетенных и эксплуатируемых» [7: 28]), и каждый исторический роман служит удостоверением победителя и победы. Это имеет самое прямое отношение к «Буйному Тереку», автор которого прошел три войны (первую мировую, гражданскую и Отечественную).

«Осанна» Мугуева прошла через «горнило сомнений». Пафос «Буйного Терека» в том, что автор видит себя стоящим на берегу уже *тихого* Терека. В таком случае пафос исследования состоит в том, что если Мугуев заблуждался, то не по существу, а в формальных частностях, – таких как время и место. А существо вопроса – в общем принципе, в нравственном законе истории, и в этом смысле советский исторический роман только развивает народно-сказочную поэтику, согласно которой добро побеждает зло. Литературу создают люди доброй воли, состоящей не в последнюю очередь в том, чтобы всякое буйство заканчивалось тишиной: в этом смысл любого романа (тоже как действия, «буйства») и общественно-политической истории.

Проблематику кавказских событий первой половины XIX века Х.-М. Мугуев рассматривает в середине века XX как исчерпанную. Отчуждение и войну между народами автор трактует как историческое прошлое не только в хронологическом, но и в нравственном смысле: война – «дело прошлого», пролог к настоящей истории, к новой эре *мира*. Указанная творческая методология обнаруживается в одном из ранних, рабочих названий романа – «Дела давно минувших дней». Повествование в режиме социалистического реализма предполагает убежденность повествователя в том, что главные вопросы истории – классовый и национальный – решены. Кавказская война у Мугуева подобна металосварке: в адском дыму и пламени формируется прочный вековой шов между разными народными «телами».

То, что коммунистическая идеология обладает достаточно четким для себя представлением о конечных целях исторического процесса («одна семья», «одна цель» [5: 59]), выразилось в *эсхатологизме* советского исторического романа. И изображение, и

нарратив подчинены этому представлению, – оптимистическому, жизнеутверждающему и гуманному. Четкую формулировку принципа историзма советской литературы дал Горький: «Для того чтобы ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята, необходимо развить в себе умение смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего» [2: 616].

Горький предлагает, по сути, смотреть на прошлое с точки зрения настоящего, ставшего будущим, и будущего, ставшего настоящим. Историзм советской литературы неразрывно связан с *пафосом будущего*, равносильного здесь чувству *перспективы*; исторический роман социалистического реализма есть сравнительно изошренное произведение трех времен: прошлого, настоящего и будущего. *Временное триединство* этого романа выражается в том, что он непосредственно отражает прошлое (внешняя тема), и опосредованно – настоящее (эпоху создания) и будущее как умозрительную (за пределами нарратива) точку схождения всех частных дискурсов и сюжетных линий. Эта точка Идеала, путеводная звезда для лучших, принадлежащих к разным классам, народам и культурам, героев, которые идут к ней каждый своим путем.

Концепция времени здесь универсальна: в каждом отдельном столкновении решаются конечные судьбы исторического процесса. Тезис, антитеза и синтез непрерывно сосуществуют в каждый момент истории как непрерывной борьбы «века нынешнего» с «веком минувшим» именно в грибоедовском смысле: такой срез конфликта для «Буйного Терека» гораздо важнее, чем срез военно-политического столкновения Российской империи с горцами северного Кавказа. Историко-революционный аспект жанрового содержания романа Мугуева не менее важен, чем *военно-исторический*.

Исторический роман всегда стремился компенсировать неизбежные издержки идеологических оценок прошлого (это имманентная черта настоящего искусства). Тем не менее современная критика советского исторического романа (и шире – социалистического реализма) могла бы основываться на том простом наблюдении, что и война между народами, и классовая борьба, как бы они ни были «священны» – это всего лишь частные формы борьбы и *единства* противоположностей; класс и народ тоже представляют собой частное в сравнении с обществом и человечеством. Если, по Мугуеву, «народ знает правду», то как быть с утверждением Достоевского – «правда выше народа» [6: 8]? У оппонентов соцреализма были основания говорить о классовой ограниченности философско-этических категорий [9: 403]. Партийность литературы формально входит в противоречие с главной задачей искусства – собиранию человечества. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»: это формула сколько всеобщего единения, столько и всеобщего раскола. Железный занавес вполне наглядно это выражал, заодно создавая парниковый эффект, временно защищавший

от пагубных внешних влияний и всегда, как своего рода мутациями, чреватый литературными штампами.

Такую критическую теорию трудно опровергнуть формально-логически, но, резюмируя нашу методологическую «апологетику», укажем на представляющийся очевидным гуманитарный опыт (уже не только предмет веры): пессимизм – антигуманное явление; только трудовой человек оптимистичен; только трудовой человек обладает чувством справедливости и способен встать на «точку зрения жизни» [7: 31]. Только трудовой человек (как и шире – человек *труда*) правдив; соцреализм – это правдивость трудового человека.

Другое дело, что с течением времени идеал многонационального общежития трудящихся и объективно схематизируется, схематизируется вместе с ним и сюжет, что ведет к естественной схематизации действующих лиц, типов [1: 302], направление деградирует в *направленство*, а тенденция – в *тенденциозность*. Все это позволяет в общем говорить сколько о типичном, столько и о *типовом* историческом романе, которому сопутствует дух некой провинциальности. Наглядно это выражено в литературах малых народов СССР, для которых вопросы истории стояли наиболее *экзистенциально*, именно в смысле насущности и существенности.

Мугуев принадлежит к известной плеяде осетинских русскоязычных писателей середины XX века: Езетхан Уруймагова, Василий Цаголов, Тотырбек Джатиев, Георгий Черчесов и другие. Они, как и писатели других народов Северного Кавказа, создали объемные эпопеи и романы (что было возможно только в условиях исторической тишины, стагнации), которые объединяет то, что они воспроизводят исторические пути народа от общинного сознания к классовому, из «темного», доисторического патриархального бытия – к мятежу (абречество) и революции (или, как это называл Набоков, «от политического неведения к большевицкому откровению» [9: 403]); от взаимного недоверия – к единению с другими народами. Образ народа, из недр которого выходит собирающая, консолидирующая народ личность («Риего нашелся» [8: 1: 500], – говорит мугуевский Ермолов о возглавившем газават Кази-мулле), приобретает для них первостепенное значение. Историзм, нарратив и идеал этих произведений красноречиво выражаются уже в их названиях: «Навстречу жизни» Е. Уруймаговой, «Из тьмы веков» И. Базоркина, «Когда познается дружба» С.-Б. Арсанова.

Филологически указанное поколение горских писателей следует определять как поколение *полных транслингов*, то есть, писателей, писавших исключительно *не на родном языке*. И это обстоятельство представляет собой отдельную проблему трактовки романа в контексте его *этнокультурной идентичности* (более узко понимаемый «бассейн» «Буйного Терека»).

Можно, развивая различные теоретические посылки, прийти к выводу, снимающему, казалось бы, все проблемы транслингвизма и национальности литературы, именно, что человек пишет только на родном языке [3: 57]; в том категорическом смысле, что если он пишет на русском, значит, он русский человек. Но мы исходим из того, что сознанием национальности (национальной идентичностью) писателя гарантируется этнокультурная идентичность текста. В виду объективных условий жизни, представители указанной плеяды утратили способность свободно изъясняться на родном языке, но они принимали самое активное участие в культурной и общественной жизни своей «малой родины» и были глубокими знатоками осетинского быта, истории, культуры, фольклора, эпоса, психологии своих соплеменников, – всего, что представляет собой осетинский этнокультурный *субстрат* их русскоязычных произведений. Это – методологическое основание объективного бытия и научного изучения, в частности, осетинского литературного *русскоязычия*.

Таким образом, «Буйный Терек» на всех своих главных уровнях содержания и формы являет образец идейно-эстетического сплава между народами, культурами и языками, подобно тому, как сам Хаджи-Мурат воплощал в себе неразрывное единство русской (казацкой) и горской (осетинской) культурных традиций. Соответственно, комплексное рассмотрение исторического романа «Буйный Терек» должно учитывать его этнокультурные источники. Произведение следует осмысливать в различных контекстах: творческой биографии автора, творческой истории романа, истории советской литературы, осетинской транслингвальной (русскоязычной) литературы. Указанные контексты и обстоятельства, наряду с методом, представляют собой естественные жизненные ландшафты, определившие русло «Буйного Терека», прежде всего в смысле решения исторической темы (*образ Кавказской войны XIX века*).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Кавказская война XIX века в романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»: историзм, нарратив, идеал», 2014-2015; проект № 14-14-15001, «а(р)».

Список литературы

1. Веселовский. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989.
2. Горький М. О социалистическом реализме // Горький М. О литературе. (Литературно-критические статьи). – М.: Советский писатель, 1955.

3. Джусойты Н.Г. Что это такое – родной язык писателя? // Джусойты Н.Г. Книга друзей: Сочинения последних лет. – Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 57.
4. Ермолович В.В. Современный советский исторический роман: проблемы и художественные концепции: Автореф. дис. канд. филолог. наук по спец. 10.01.02. – Минск, 1993. – URL: <http://cheloveknauka.com/sovremennyu-sovetskiy-istoricheskiy-roman-problemy-i-hudozhestvennye-kontseptsii> (11.08.14).
5. Иезуитов А.Н. Социалистический реализм в теоретическом освещении. – Ленинград: Наука, 1975. С. 59.
6. Карякин Ю.В. Достоевский и канун XXI века. – М.: Советский писатель, 1989. С. 8.
7. Мейлах Б.С. В.И. Ленин и некоторые вопросы эстетики // В.И. Ленин и вопросы литературоведения. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
8. Мугуев Х.-М.М. Буйный Терек. Роман: В 2-х кн. – Орджоникидзе: Ир, 1974.
9. Набоков В.В. Торжество добродетели // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1996.
10. Переверзев В.Ф. У истоков русского реализма. – М.: Современник, 1989. С. 20.

Рецензенты:

Парсиева Л.К., д.фил.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Гацалова Л.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.